

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Шамардина Софья

(1894–1980)

Она редко упоминается среди женщин, окружавших Маяковского. Если честно — как правило, не упоминается вовсе. Но именно она вдохновила поэта на создание известнейших строк. Пожалуй, самых поэтичных в творчестве Владимира Владимировича...

Как звали ее? Сам поэт называл ее просто: «Сонка». «Начало 1970-х годов, — вспоминала в одной из публикаций литератор И. Аброскина. — Мы в доме друзей Маяковского... входит женщина. Она очень немолода, но первое впечатление — какая красивая: прекрасные аквамариновые глаза, в движениях, в манере говорить — достоинство, женственность. Нас знакомят: “Софья Сергеевна Шамардина. Друг Маяковского. Вы, конечно, знаете ее?”

Чувствуя наше замешательство, помогают: “Сонечка-сестра”, “Сонка”. Появляется беспокойство, вспоминаются строки из трагедии “Владимир Маяковский”:

Что же, —
значит, ничто любовь?
У меня есть Сонечка-сестра!
Милые!
Не лейте кровь!
Дорогие,
не надо костра!

И еще у Северянина:

Звонок. Шаги. Стук в дверь.
— Войдите! —
И входит девушка...
очей своих эмаль
Вливает мне в глаза... бледна,
Ее глаза смелы и дики:
— Я Сонечка Амардина...»

В 1915 году В. Маяковский признавался, что Сонка была его единственной любовью и только на ней он хотел тогда жениться. Пока писалась поэма «Облако в штанах», в четвертой главе постоянно упоминалась героиня по имени Сонка. А превратил он Сонку в Марию потому, что хотел создать собирательный образ с более женственным именем.

О Софье Сергеевне известно не так уж много. В 1913 году она приехала из Минска в Петербург учиться на Бестужевских курсах. Умная, увлекающаяся, ищущая, она дружила со многими поэтами, литераторами, артистами, художниками — К. Чуковским, В. Хлебниковым, И. Северяниным, братьями Д. и В. Бурлюками. Но близость к богемным кругам тем не менее не помешала ей в Первую мировую войну покинуть Петроград и стать сестрой милосердия. Октябрьская революция и Гражданская война сделали ее профессиональным партийным и советским работником. Судьба бросала ее то в Тюменскую губернию, то в Тобольск, то в Белоруссию.

С Маяковским она познакомилась осенью 1913 года. Его выступления девятнадцатилетняя Сонечка слышала на Бестужевских курсах, в Тенишевском училище, артистическом подвале «Бродячая собака». А на тот памятный вечер, проводившийся в медицинском институте, ее привел Корней Чуковский, который и познакомил Сонечку и Владимира. После поэтической части всей компанией отправились в «Бродячую собаку».

«...Маяковский сначала ушел от нас, — писала позже в своих воспоминаниях С. Шамардина, — но скоро подсел к нашему столу рядом со мной. Я сидела между ним и Чуковским, счастливая и гордая вниманием поэта... Корней Иванович ворчал,

недовольный тем, что мы так долго сидели в «Бродячей собаке», что у него болит голова, а надо отвозить меня.

«Я ее провожу», — сказал Маяковский, Корней Иванович заколебался. Провожатый казался ему не очень надежным. Но сама провожаемая совсем не протестовала... Едем. А мост разведен. «Едем к Хлебникову, хотите?»

«Но ведь он спит».

Маяковский уверяет, что это ничего. Не помню, где жил Хлебников. Приехали, разбудили... Заставили Хлебникова читать стихи. Он покорно и долго читал... часов в 10 утра — очень голодные, так как у Хлебникова ничего не было и ни у меня, ни у Маяковского не было денег, — мы пошли завтракать к Бурлюкам... Пили чай, что-то ели и расстались днем, чтоб встретиться вечером...»

Сонечка Шамардина принимала самое непосредственное участие во всех литературных начинаниях поэта, помогала ему в работе над спектаклем «Владимир Маяковский» в театре на Офицерской, над организацией знаменитого турне футуристов. А главное — она стала его музой, вызвавшей к жизни самые поэтические строки трибуна революции.

Софья Сергеевна вспоминала, как они возвращались однажды с какого-то концерта-вечера: «Ехали на извозчике. Небо было хмурое. Только изредка вдруг блеснет звезда. И вот тут же, в извозничьей пролетке стало слагаться стихотворение: “Послушайте, ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?.. Значит, это необходимо, чтоб каждый вечер над крышами зажигалась хоть одна звезда?”

...Держал мою руку в своем кармане и наговаривал о звездах. Потом говорит: “Получаются стихи. Только не похоже это на меня. О звездах! Это не очень сентиментально? А все-таки напишу. А печатать, может быть, не буду”».

Но печатать все же решился...

«1913 год стал для Маяковского годом его поэтического крещения, — подчеркивает биограф поэта Ал. Михайлов. — Маяковский ощутил в себе силу, он уже больше не колебался в своем призвании и со всем пылом отдался поэзии. И не только сочинению стихов. Он много выступает. Читает свои стихи и стихи товарищей в различных аудиториях. Вступает в дискуссии. Делает доклады... пишет статьи, хлопочет о постановке и ставит в Петербурге трагедию «Владимир Маяковский».

Кстати, и в книге Ал. Михайлова из знаменитой серии ЖЗЛ — ни слова о Софье Шамардиной. Слово и не существовало вовсе такой женщины! Предположим, можно не принимать во внимание сугубо личные ее отношения с поэтом... Но ведь и о том, что она имела самое непосредственное касательство к постановке спектакля, — ни слова! Обидно.

«Помню одну ночь в “Собаке...”, — вспоминала Софья Сергеевна. — Очевидно, было наводнение. Подвал... залит водой. Затопили камин. Жарили в камине баклажаны. Сидели у огня. Маяковский не позволял мне ходить по залитому водой полу и переносил меня на руках, шагая по бревнам. Нас принимали за брата и сестру и даже находили сходство. Мне нравилось это, потому что мне всегда больше хотелось быть сестрой. И из-за этого моего “пункта” было много тяжелого в то время, ненужного, омрачившего нашу дружбу... словом, мне хотелось быть сестрой, но и терять Маяковского не хотела».

Из этого стремления Сонечки быть только «сестрой», естественно, ничего не вышло. И как ни старалась Софья Сергеевна спустя долгие годы посредством воспоминаний очистить от сугубо земного свои отношения с поэтом, ей это не удалось: был ее бурный роман с Маяковским, были и горькие минуты разочарования и, может быть, даже сожаления... Но об этом ниже.

Судя по всему, Шамардина по-настоящему была влюблена в поэта — настолько, что не желала видеть изъянов в его внешности: «Мне не мешали в его облике гнилые зубы.

Наоборот, казалось, что это особенно подчеркивает его внутренний образ, его “свою” красоту... Красивый был. Иногда спрашивал: “Красивый я, правда?” Однажды сказал, что вот зубы гнилые — надо вставить, я запротестовала — не надо! И когда позднее, уже в 1915 или 1916 г., я встретила его с ровными, белыми зубами, — мне стало жалко...»

Зимой 1913 года она познакомила Маяковского с Северяниным. «Маяковский знал, что я встречаюсь с Северяниным, и часто издевался надо мной по этому поводу. Футуристом он его не считал никаким и отзывался о нем не очень лестно, хотя и удостаивал его иногда легкой похвалы. А с этим эгофутуристом я познакомилась в Минске...»

Заглянем в записи самого Игоря Северянина. Хочется предупредить: они довольно своеобразны. Впрочем, в той же мере, в какой был оригинален и своеобразен Северянин-поэт. «Софья Сергеевна Шамардина («Сонка»), минчанка, слушательница высших Бестужевских курсов, нравилась и мне, и Маяковскому. О своем “романе” с ней я говорю в “Колоколах собора чувств”. О связи с В.В. (Маяковским) я узнал от нее самой впоследствии. В пояснении оборванных глав “Колоколов собора чувств” замечу, что мы втроем (она, В.Р. Ховин и я) вернулись вместе из Одессы в Питер. С вокзала я увез ее, полубольную, к себе на Среднюю Подьяческую, где она сразу же слегла, попросив к ней вызвать А.В. Руманова (петербургского представителя «Русского слова»). Когда он приехал, переговорив с ней наедине, она после визита присланного им врача была отправлена в лечебницу на Вознесенском проспекте (против церкви). Официальное название болезни — воспаление почек. Выписавшись из больницы, Сонка пришла ко мне и чистосердечно призналась, что у нее должен был быть ребенок от В.В. Этим рассказом она объяснила все неясности, встречающиеся в «Колоколах собора чувств».

«Все неясности» объяснил чуть позже и Корней Иванович Чуковский. Вот что пишет в своей книге «Лиля Брик. Жизнь и судьба» Аркадий Ваксберг: «Блистательный литературный критик и эссеист, признанный эталоном интеллигентности в русской литературе XX века, Корней Чуковский ни за что ни про что оклеветал Маяковского, которого имел все основания считать своим другом. ...Он насплетничал Горькому, будто Маяковский не просто обесчестил чистую и невинную девушку, но и заразил ее сифилисом, подцепив, стало быть, эту постыдную болезнь у жриц свободной любви. Сифилис тогда считался исключительной “привилегией” проституток. (После гибели поэта по результатам вскрытия было доказано, что никакого сифилиса у него никогда не было). Жертвой Маяковского, по версии его “друга”, стала Соня Шамардина (Сонка), у которой был нешуточный роман с Чуковским, водившим ее на разные литературные вечера. На одном из них... он познакомил ее с Маяковским, и Сонка, признававшаяся впоследствии, что очень любила Чуковского, очертя голову “втюрилась в футуриста”. Итогом этого мимолетного, но оставившего след и в жизни Маяковского, и в его поэзии романа... был очень мучительный, поздний аборт, навязанный и устроенный непрошеными “спасателями”, и разрыв отношений, которые, вероятно, завершились бы тем же и без столь драматичных последствий.

О своих злоключениях Сонка честно поведала Корнею Чуковскому, уязвленному ее “изменой” и, разумеется, затаившему обиду на своего счастливого соперника».

В январе 1914 Корней Иванович вынудил Сонечку пообещать, что с Маяковским встречаться она больше не будет. Сам же через четыре года зачем-то обратил ее исповедь в сплетню, рассказав об этой интимной истории Горькому. А уже после этого сплетня пошла гулять по всему Петрограду...

Впрочем, слово, данное Чуковскому, Шамардина не сдержала. Она продолжала встречаться с Маяковским, не забывая и Северянина. «На поэзо-концертах его бывала редко, но домой к нему в этот сентябрь заходила, — признавалась муза двух поэтов. — Было довольно грустно от грустного лица жены, от вздохов матери. Иногда плакал ребенок. И мать и жена с ребенком, когда у Северянина кто-нибудь был, сидели в соседней

комнате. Входить им в комнату Игоря было нельзя. До встречи с Маяковским общество Северянина все же доставляло мне удовольствие...»

Очевидно, все-таки выбрать кого-то одного из них Шамардиной было нелегко. (Впрочем, кто знает: стремилась ли она вообще к какому-то выбору?) Когда Сонечка в очередной раз уезжала в Минск, ее провожали «Северянин с голубыми розами и Маяковский — с финиками». Летом 1914-го Сонечка встретила с Маяковским в Москве. Он познакомил ее с матерью и сестрами, которые всегда приветливо встречали ее, поили чаем. Особенно, по словам Шамардиной, одобрительно относилась к ее посещениям Ольга. Когда Соня подхватила тяжелейшую ангину, Владимир ежедневно навещал свою подругу: «рассказывал что-нибудь, или, скоро забывая о моем существовании, ходил из угла в угол, бормотал стихи. Уже начиналось “Облако”... Все свои стихи за это время, что встречались в Москве, прочитывал мне. К прежней близости не возвращались никогда...»

Еще бы! Это было уже невозможно: в жизнь поэта навсегда вошла роковая Лиля Брик вместе со своим мужем, своими многочисленными связями, претензиями и алчностью. Такой контраст с Сонечкой...

Некоторое время Софья Сергеевна жила в Минске, а с 1927 года вместе с мужем И.А. Адамовичем, крупным партийным и советским деятелем, работала в Москве. С Маяковским она поддерживала дружеские отношения.

Встретившись с Софьей в 1917, Маяковский спросил, как она относится к революции. «Муж — большевик, — ответила она. — Мне кажется, это определяет и меня». Поэт удивлялся в 1923, когда узнал, что Софья стала партийным работником. «Сонка — член горсовета!» — повторял он со смехом.

А в 1937 Софья Сергеевна оказалась в сталинской тюрьме, где провела более десяти лет. Одна из ее сокамерниц вспоминала: «На крайней у стены койке я увидела прекрасное светлое лицо пожилой женщины... (В 1937-м «пожилой женщине» было сорок три года). Могла ли я думать, что тут, в этом подземелье, оживет прошлое, оживут люди, о которых написаны целые тома, те, что были и остаются гордостью нашей культуры. Они вошли, как близкие, живые в эту камеру вместе с Сонечкой Шамардиной».

В 1960-х годах Софья Сергеевна написала воспоминания о поэте...